

Вампир и вампирша

Общая газ. - 2000. - 3-9 сев. - с. 10

В «Новой опере» с аншлагом прошла премьера оперы Пьетро Масканьи «Сельская честь»

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Любовь Казарновская и Серджи Панайя

КОНЕЧНО, успех был отчасти предсказуем, поскольку оркестром дирижировал Евгений Колобов, а главные партии Сантуцци и Туридду исполнили оперная звезда Любовь Казарновская и специально приглашенный итальянский тенор Серджи Панайя.

История создания «Сельской чести» — пример того, как жажда победы подарила человечеству музыкальный шедевр. Масканьи работал над оперой «Ратклиф», но прервал ее, чтобы поучаство-

вать в конкурсе одноактных опер. (По этой же причине двухактное либретто было сведено до одного действия.) В состязании участвовало 70 опер, но первая премия досталась «Сельской чести».

Сюжет оперы может быть определен фразой Мериме «бойся любящей» и в пересказе напоминает мексиканский сериал, где главный герой уходит от своей подруги к другой. Та мстит, и он погибает. В Москве исполнение «Сельской чести» — редкость, хо-

тя опероманы еще помнят, как в конце 70-х главные партии пели Елена Образцова и Зураб Сотклилава.

И все-таки почему выбор Колобова и Казарновской пал на Масканьи?

— Мы с Евгением Колобовым давно, в хорошем смысле, точим зубы друг на друга, — говорит Любовь Казарновская. — Мы сотрудничали 15 лет назад, и именно с его легкой руки я пела в Мариинском театре «Силу судьбы». Он чудесный музыкант, и мы по-

нимаем друг друга с полуслова. Колобов сказал, что мечтал поставить «Сельскую честь» — эта опера для его театра: она компактна, в ней много тонких переживаний, а публика сидит достаточно близко, чтобы разглядеть экспрессию на лицах артистов.

Мне тоже хотелось попробовать Сантуцци. Эта партия требует вокальной зрелости, ее нельзя петь в юном возрасте, поскольку она провоцирует на чрезмерность эмоций и голоса. Вообще трудно петь «веристов» (Пуччини, Леонкавалло, Масканьи), даже у Верди оркестр подыгрывает певцу, здесь — полифония: и оркестр, и певец самостоятельной силы. И в этой стихии можно потонуть с головой.

На счет «чрезмерности» Казарновская абсолютно права, ведь именно Масканьи ввел в оперу так называемую «арию крика». И Сантуцци, как правило, изображают истеричной брошенной женщиной, которая кричит, не переставая. В исполнении Казарновской это хитрая бестия, злой гений. Еще в начале, когда певица молча сидит со скорбным и обиженным лицом, я вспомнила знаменитую Мерчуткину из чеховского «Юбилея»: «Я женщина слабая, беззащитная...»

— Я специально сделала ее сильной женщиной, которая знает, чего хочет, — замечает певица.

— Мы с Колобовым решили отказаться от «коммунальной кухни» и придумали новый рисунок. Это не несчастная, это — опасная женщина, она, как скорпион, сжирает всех и себя. Она интригует, она влезает под кожу. И лишь когда ее возлюбленный Туридду погибает, она восклицает: «Что я наделала!»

— Как вам работало с итальянским певцом?

— Серджи — очаровательный человек, и с ним было легко. Образ Туридду требует искренности, в интонациях Серджи, в его звонком заливиستم теноре — есть правда, в нем вообще нет искусственности. Кстати, в Москве Серджи обегал все музеи, и Коломенское, и Останкино. И восторгался, как мы, русские, похожи на итальянцев — «такие же открытые и сердечные».

— Есть ли у вас еще российские проекты, совместные постановки с «Новой оперой»?

— Осенью я хочу показать в Москве, в концертном зале «Россия» шоу, где будут петь и оперу, и оперетту, и мюзикл. Идея принадлежит моему мужу Роберту. Это будет настоящее благотворное шоу с балетом, со стильными туалетами от Валентина Юдашкина.

Что касается «Новой оперы», думаю, в апреле с западным режиссером сделаем постановку «Сельской чести» (сейчас было

концертное исполнение), есть идея показать «Реквием» Верди, а также гала-концерт из произведений композитора к 100-летию со дня смерти Верди.

У нас с Колобовым одно музыкантское дыхание, и я буду работать с ним — несмотря ни на что. Конечно, он человек сложный, стихийный. Но такая же стихийность была у Караяна, это — почерк гения. Он служит музыке, и ему ничего не нужно, кроме этого. Когда поешь с Колобовым, возникает чувство, что оркестр выносит тебя на волне и ты достигаешь температуры кипения.

Впрочем, температура кипения была не только у музыкантов, но и у зрителей. На самого Колобова было страшно смотреть — он старел на глазах. Неожиданно после исполнения одной из арий раздалися аплодисменты. И вдруг он, будто выдернутый из параллельного мира, сердито пробурчал так, что было слышно в 6-м ряду: «Музыку слушать надо! Хлопать потом будете». И снова... ушел стареть. В какой-то момент мне показалось, что он не сможет доиграть эту оперу до конца... И лишь потом, когда все кончилось — через двадцать минут оваций, на поклон вышел прежний Колобов. Позже он заметит: «Эта музыка — вампир, она выпивает из тебя все соки».

Наталья ГРИГОРЬЕВА